

тые торговцы, которые для продажи сапоговъ въ города не заѣзжаютъ, а распродаютъ ихъ по глухимъ селамъ и деревнямъ, куда еще не успѣлъ пробраться сѣверный, тверской сапогъ. Крупные же торговцы возятъ сапожный товаръ исключительно на юго-востокъ. Съ полуваломъ они ѣздятъ обыкновенно въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцѣ. Этотъ сортъ кожи продается ими или „въ цѣлинахъ“, т. е. цѣлыми кожами, или кусками, шириною въ длину подошвы, а длиною—въ нѣсколько паръ ихъ. Цѣна за выдѣланную кожу полувала на мѣстахъ сбыта отъ 8—15 рублей, а кусками отъ 10—17 рублей. Весною у крупныхъ торговцевъ идетъ обыкновенно одинъ полувалъ, сапоги же берутся ими изъ дома лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Отправка ихъ болѣе или менѣ крупными партіями начинается съ августа мѣсяца. Первая партія идетъ на извѣстную Луганскую ярмарку (въ Луганской станицѣ, Земли Войска Донскаго), которая бываетъ 1-го сентября. Здѣсь часть сапоговъ продается за наличныя деньги, часть же промѣнивается на кожи, которыя свозятъ сюда нарочно окрестными крестьянами и скототорговцами. Изъ Луганской ст. торговцы переѣзжаютъ на ярмарку въ Ростовъ-на-Дону (8 сентября), гдѣ продаютъ сапоги частію тамошнимъ торговцамъ, частію скупщикамъ, прѣзжающимъ сюда изъ Таганрога, Урюпинской станицы etc. Затѣмъ, къ 14-му сентября они поспѣваютъ на ярмарку въ Новочеркасскъ, откуда переѣзжаютъ на Покровскую ярмарку въ Екатеринодаръ, затѣмъ къ 26 октября—въ Ставрополь, гдѣ по большей части и распродаютъ остатки товара. Если же годъ былъ на югѣ неурожайный и сапоговъ всѣхъ на указанныхъ ярмаркахъ продать не удалось,—ѣдутъ еще дальше въ Тифлисъ, Баку, или даже Арменію.

Цѣна сапогамъ (выворотнымъ) на мѣстахъ сбыта, при оптовой продажѣ—по 1½—2 руб. за сотню, въ отдѣльной же розничной продажѣ стоимость ихъ была нами показана выше.

Мелкіе торговцы имѣя дѣло не съ лавками, а непосредственно съ потребителями, возятъ сапоги большею частію въ весеннее

время, начиная съ февраля мѣсяца и до мая, когда крестьяне начинаютъ запасаться кожаной обувью для лѣтняго сезона. На большія ярмарки имъ ѣздить не рука—слишкомъ далеко, поэтому они ограничиваются сельскими ярмарками и базарами, или же просто, проѣзжая по деревнямъ, выкликаютъ: „гей, сапоги хороши! са-по-ги!..“ и у нихъ разбираютъ по мелочамъ,—гдѣ одну пару возьмутъ, гдѣ двѣ, гдѣ три. Въ назначеніи цѣны на свои издѣлія они при этомъ не стѣсняются и берутъ уже глядя по покупателю. При въѣздѣ въ село, опытный, наметавшій свой глазъ, михайловскій торгошъ тотчасъ же смекаетъ про себя, на сколько тутъ мужикъ сѣръ и простъ, не пеняемъ-ли Богу молится, не онучей-ли утирается, или же, напротивъ, культуренъ, и самъ видалъ виды не меньше его, михайловца—пройдохи. Торгошъ сразу все это смѣтитъ и узнаетъ по тѣмъ тонкимъ, разнообразнымъ признакамъ, которые почти неуловимы для человѣка не деревенскаго. Если, напр., нѣтъ ни одного кабака въ селеніи, а загуменя полны одоньями хлѣба; если нѣтъ въ селеніи каменныхъ домовъ съ желѣзными крышами, ярко выкрашенными зеленою краской, и нѣтъ совершенно раскрытыхъ, перекосившихся и полуразрушенныхъ хатъ, нѣтъ мазанокъ, похожихъ скорѣе на норы, чѣмъ на жилища человѣческія; а все, напротивъ, выглядитъ болѣе или менѣ исправно и вездѣ замѣчается если не зажиточность, то, по крайней мѣрѣ, не бѣдность и не раззореніе,—торгошъ тогда смѣло рѣшаетъ, что здѣсь „земляной“, „сѣрый“ мужикъ, съ которымъ церемониться нечего и назначаетъ за сапоги сумашедшую цѣну,—по 5—7 руб. за пару. Если же, наоборотъ, замѣтитъ онъ при въѣздѣ въ деревню, что въ ней два или три кабака, окруженные невозможными, полуразвалившимися, полусгнившими хатками, съ взъерошенной крышей и разбитыми окнами, въ которыхъ тѣмъ не менѣ виднѣются свѣтлыя, пузатыя самовары, а въ центрѣ селенія ярко зеленѣется крыша каменнаго дома, недавно только отстроеннаго Колупаевымъ „на трудовыя свои кровныя денежки“,—тогда торгошъ сразу понимаетъ, что онъ у „культурныхъ“ людей, которые